

Михаил ЛАВРОВСКИЙ,

народный артист СССР,
лауреат Ленинской премииВО ВЛАСТИ
ПУШКИНСКОЙ «МЕТЕЛИ»

— Михаил Леонидович, сегодня у нас с вами беседа особая. Мы будем говорить об Александре Сергеевиче Пушкине.

Вы только что снялись в телефильме-балете «Три карты» по «Пиновой даме» на музыку Кирилла Молчанова. Кроме того, вы написали либретто по повести Пушкина «Метель» и собираетесь поставить этот пушкинский балет на музыку Георгия Свиридова. В кино «Метель», к сожалению, не смогли интересно экранизировать. А вы хотите поставить балет. Не страшно?

— Конечно, страшно. Не может быть не страшно — ведь это огромная ответственность! Желание работать с определенным классическим произведением всегда должно исходить лишь из творческих потребностей, когда твои мысли, переживания вывели тебя именно на это произведение, и ты уже не можешь пройти мимо него. Если были другие мотивы, нечто вроде саморекламы, то рано или поздно за это придется отвечать перед своей совестью. Ведь что бы там ни говорили о твоей работе коллеги, друзья, критики, пресса — ты должен уметь определять сам, своим чутьем, что же ты сделал и на что годишься...

— Проза Пушкина поэтична и, несомненно, интересна для хореографа. Но почему же как балет-

мейстер вы остановились именно на повести «Метель»?

— Меня увлек образ пушкинской метели-судьбы. В балете метель-судьба кружит героев, засыпает их снегом, завязывает им глаза (судьба ведь и сама часто бывает слепой), играет ими, путает героев и наконец соединяет Марию Гавриловну с Бурминым, а Владимира словно растворяет в снежной мгле. Через несколько лет при счастлимом объяснении Марии Гавриловны и Бурмина ветер несет лепестки с цветущих яблонов, снова напоминая героям о метели, о судьбе...

— Сейчас в балете ставят произведения литературы, драматургии, в том числе романы Толстого, Достоевского, пьесы Шенспира, Брехта... В интервью хореографы утверждают, что балету все подвластно. И действительно, это наступательное движение балета приносит победы. Однако не всегда. Иногда балет просто следует сюжету, иллюстрирует его. А ведь теперь от балета ждешь большего. В его возможностях — обобщающий образ, символ, выраженная хореографическим языком мысль, ассоциация, словом, то, что в знакомом произведении открывает нам что-то дотоле невидимое, неизвестное...

— Я как раз не считаю, что так уж все можно поставить в балете.

Нужно суметь выбрать то, что доступно хореографии и притом близко и понятно тебе самому. То, что ты способен как хореограф выразить в танце, пластике, движении, пантомиме... Балет ведь действительно, искусство ассоциативное, обобщающее, символическое, в этом его сила и эмоциональное воздействие...

— Что бы вы еще хотели поставить из Пушкина?

— Недавно мне предложили «Дубровского». Хорошее, интересное либретто. Музыка к нему сочинил композитор Валерий Кикта. Очень заманчивая идея! Сам же я думаю о «Выстреле». Думаю о «Дон-Жуане», «Египетских ночах», «Пире во время чумы» — все это увлекает мое воображение, а поскольку оно у меня хореографическое, то никуда не денешься, мне хочется все это увидеть в хореографии, найти там эти прекрасные пушкинские образы... Пушкин для меня — это вера в жизнь, в ее светлое, творческое начало. Даже трагедии Пушкина жизнеутверждающи, полны оптимизма. И очень хочется передать это в балете...

Беседу вела
Галина МАРЧЕНКО